

мѣсяцевъ, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ порядкомъ его ежедневной жизни и съ учеными приемами его работы. Подробности о томъ и о другомъ весьма любопытны и важны въ біографическомъ отношеніи.

Читая въ печати легко, живо и увлекательно написанную прозу Кавелина, нельзя предположить, чтобы каждая печатная строка серьезной статьи давалась ему съ большимъ и весьма кропотливымъ трудомъ. Но на дѣлѣ было такъ, что я могу засвидѣтельствовать какъ признаніемъ самого Кавелина, такъ и моимъ личнымъ наблюденіемъ надъ его процессомъ писанія и, наконецъ, черновыми рукописями его статей, находящимися въ настоящее время у меня въ рукахъ. Кавелинъ говорилъ гораздо свободнѣе, чѣмъ писалъ, и ни одна мысль не выливалась у него на бумагу въ окончательной формѣ безъ цѣлаго ряда ея передѣлокъ; передѣлки эти нерѣдко бывали до того велики, что какая-нибудь пятая-шестая редакція письменнаго изложенія не имѣла ничего общаго съ первоначальной. „Я привыкъ думать съ перомъ въ рукахъ,—говорилъ онъ,—и по мѣрѣ писанія и передѣлокъ написаннаго, мысль у меня вызрѣваетъ, но много мнѣ приходится измарать бумаги, прежде, чѣмъ я удовлетворюсь написаннымъ“. Кавелинъ быстро схватывалъ общій характеръ, какъ отдѣльныхъ явленій и мыслей, такъ и взаимныя ихъ отношенія, но не отличался памятью на фактическія подробности, числа и собственные имена, вслѣдствіе чего ему стоило большого труда справиться съ матеріальной, такъ-сказать, частью писанной имъ статьи. Множество предварительныхъ выписокъ, набросковъ, конспектовъ дѣлалъ онъ прежде, чѣмъ принимался писать историческую или юридическую статью. Въ 60-хъ годахъ, когда Соня съ успѣхомъ начала учиться въ гимназіи, Кавелинъ прибѣгалъ къ ней за этими внѣшними справками. Такъ онъ поступалъ при писаніи „Мыслей и замѣтокъ о русской исторіи“. Забывалъ онъ, напримѣръ, въ которомъ году началъ княжить Иванъ Даниловичъ Калита или Димитрій Донской, или въ какомъ году пала окончательно вѣчевая самобытность Новгорода—сейчасъ на помощь призывался живой, ходячій справочный словарь—Соня. Я помню, какъ разъ при мнѣ была она призвана въ кабинетъ къ отцу, въ которомъ сидѣлъ Н. В. Калачовъ и еще кто-то, за числовой справкой. Не знаю по какому поводу, но рѣчь зашла о количествѣ квадратныхъ миль, занимаемыхъ Россійской имперіей вообще и европейской Россіей въ частности. Ни Кавелинъ, ни Калачовъ этого не помнили съ точностью, и меня командировали за Соней. Не ожидая встрѣтить у отца